

В человеке живет невосполнимая тяга к прошлому. Не каждый дает ей волю, не каждый стремится жить, «дыша пылью веков». Но как бы эту силу ни старался заглушить шум современности, она не утихнет. Так, неосознанно, считая, что перед ним лишь отстраненные описания жизни далеких, неведомых людей, открыл для себя всю глубину и грандиозную историческую силу Несторовской летописи герой В. И. Лихоносова: «И вот я, тоже небрежный, раскрыл впервые и не мог оторваться: шемяше-родным, горестным и прекрасным повеяло с полей моей отчизны! Боже мой, боже мой, вставал я и корил себя, что же это такое? Где я был? Пыльное затмение располагало к созерцанию и, едва я подходил к окну и воображал струями плывущую степь, ветер и угрюмое безлюдье на дорогах, ближе подымалась ко мне со дна заветная былль наша. Нежность и любовь тех минут мне никогда не передать. Окунувшись в детство родины, я вспомнил и свое начало, и оно тоже обернулось невозвратным, дремучим... Я подчеркивал призывы и мольбы – жить в одно сердце; ободряли меня вечные повторения – отцы наши и деды землю устроили; славил я вместе с писцами умных и добродетельных, хоронил павших, – короче, читал и ловил созвучное, как ловят дорогие отзвуки в строчках влюбленные. И все жалел: поздно, поздно хватился. Да и не я один» [1, 298].

Хватился. И больше не разлучался В. И. Лихоносов с теми, кто остался в «сумеречной были». Чутко и точно он нанес на «скрижали истории» по крупницам необъятное время – самое драгоценное для русского народа. Не случайно многие исследователи убеждены, что основная идея всего творче-

ства Виктора Ивановича – историческая память. Эта тема пронизывает все произведения писателя – начиная с рассказа «Брянские» (1963 г.) и заканчивая монументальным романом «Наш маленький Париж» (1986 г.), а также более поздними работами автора.

Мотивы неуловимости времени отчетливо звучат в произведениях «Люблю тебя светло», «Осень в Тамани», «Элегия». Как писал Юрий Селезнев, герои Лихоносова словно богатыри на распутье. И путь их ждет тяжелый. Они выбирают то, что не каждому по силам: «Центральная, единственная прямая, прямоезжая дорога, но она-то и самая трудная, требующая отменной отваги даже от былинных и сказочных богатырей, оказывающихся на вешем распутье... И вот эта-то прямая дорога – дорога духовного поступательного бытия народа, нации, культуры – есть дорога предания, дорога исторической памяти» [3].

Уберечь время стремятся странники-герои Лихоносова. Что же не сохранили, сетует герой, камень, на котором отдыхал «премудрый Никон»? Но то, что еще можно найти, уберечь, они бережно собирают. Ступая по тропинкам певцов земли русской, они находят сокровенные воспоминания тех, кто знал Есенина. А на Тамани, конечно, обращаются к Лермонтову, все пытаюсь выведать, правда ли перед ними родственник той, что топила поэта? А в Тригорском и вовсе встречаются современников Пушкина. «Учитель пришел к ним в гости, и они, давно положенные во гробы по российским губерниям, покорно встали из тьмы один за одним. Они говорили с учителем. Они без смущения признавались в своих секретах, в самых тайных под-

робностях, и нынче им было легко признаваться. С гордостью пускали барышни в свои уголки, показывая господские пяльца, подушечки, любовные записки. Посмотрите, точно подталкивали они, посмотрите же со вниманием из своего двадцатого века, как мы жили когда-то, в какой обстановке, как были мы молоды, изящны во вкусах и какая природа нас окружала. Вам не завидно? Темна, непонятна вам наша судьба? Вот тут сколько раз мы видели Пушкина, и он нас любил, он нас воспел, и нам «Онегин» внушал больше воспоминаний, чем, скажем, барышням соседних поместий. Не зовите нас к себе» [1, 339—340].

Мотив времени является одним из центральных и в «энциклопедии кубанской жизни» — романе «Наш маленький Париж». В нем раскрыты не только быт и нравы кубанцев, но и то, чем жила и дышала наша земля в прошлом, как пережила труднейшие для всей страны события начала XX века. Роман пропитан любовью и трепетным отношением к краю и его жителям. С другой стороны, здесь отражены типы героев, темы и проблемы, значительно выходящие за пределы одного региона, то есть вечные, классические.

Произведение охватывает временной период с начала до 80-х годов XX столетия, однако наиболее подробно изображаются судьбы героев в период падения монархии и во время Гражданской войны. Автор не показывает события в их хронологической последовательности, а обращает внимание на некоторые эпизоды. Например, использует отрывки из дневников героев («Дневник Манечки Толстопяты») или рассказы от их лица («Эпопея Попсуйшапки»).

«Время — великое, вечное и равнодушное — что-то убирало и прибавляло в этом, казалось, стоячем мире, творило судьбу каждому и миру в целом и незаметно сдвигало на маленький градус орбиту бытия. Никто не знал, что с ним будет завтра, даже через минуту» [2, 71]. Никто тогда не представлял, какие повороты суждено ему будет пройти. Лука Костогрыз и вообразить не мог, что вскоре память о прошлом, тяга к корням не будет важна для кубанцев, все перечеркнут события на-

чала XX века. Но он всеми силами старается сохранить былые времена, уходящую и невосполнимую казачью жизнь. «Пошли нам, Господи, шо было в старину», — не устаёт повторять он. Вот как отображает писатель переживания Луки: «Все двенадцать атаманов давно в могиле, и нет больше его города Екатеринодара. Седой его голове, может, и все равно, а душа вдруг заскорбит — жалко чего-то. Кому понять тоску старого казака, когда он видит на месте войскового храма гнилые черные доски? Так же дед его вздыхал по Запорожской Сечи» [2, 40].

Но время беспощадно. Оно расставляет все по местам, и каждый герой оказывается именно на том пути, который сам изначально для себя выбрал. В этом смысле символичны образы Петра Толстопяты и Дементия Бурсака. Герои являются хорошими друзьями, однако они по-разному ощущают свою связь с прошлым, свои корни.

Петр чтит и уважает заветы предков. Несомненно, такое мироощущение заложено его непреклонным отцом — верным подданным царя, отстаивающим казачью честь. Во время войны с турками Авксентий Толстопят отказывается сидеть в тылу, он стремится принести пользу армии, пусть даже в качестве перевозчика белья для военных. В это время весь кубанский казак — бойкий, верный государю, народу, неунывающий, смелый. По возвращении на Кубань из эмиграции пронзительным укором Петр слышит в своем сознании неодобрительные слова отца: «Где ж вы, бисовы души, мерили землю своими ногами?» [2, 562].

Дикой и непонятной кажется Толстопяту отстраненность Бурсака от своих корней. Будучи внуком славного атамана Петра Бурсака, Дема пошел другим путем, он стал адвокатом. С историей, говором, обычаями и верованиями казаков он не чувствовал родства. Во времена тяжких испытаний для страны Дементий Бурсак эмигрировал в Париж. За сорок лет жизни героя на чужбине Екатеринодар значительно преобразуется, растет, меняет облик. Совсем не таким он помнит город, да и город приезжего не признает. Теперь перед нами совсем другой герой — еще более далекий от

своих предков потомок казаков, который прожил подавляющую часть жизни во Франции и собирается там умирать. И до чего показательно вскользь вылетевшее из уст Бурсака обращение «у вас» по отношению к кубанцам. В этой фразе – огромное расстояние, отделяющее Дему от места, где он родился и где похоронены его предки.

Толстопят, спустя много лет вернувшись на Кубань, гуляет по улицам и плачет. В очередной раз полемизируют два друга. На этот раз предмет их разговора – место последнего упокоения. Петр Толстой говорит другу о том, что хочет быть похоронен рядом с предками на старом войсковом кладбище. Бурсак же хочет доживать последние годы в доме для престарелых в Монморанси. «Ты у меня в гостях, Дементий Павлович. Печально, но ты, Бурсак, твои деды в кошевых атаманах ходили, приобретали эту землю, а ты в гостях... а-ах, как мне тебя жалко» [2, 672], – сетует Толстопят.

«Так проходит слава земная», – не устает повторять автор в романе. И возникает множество вопросов: что осталось? кто сберег? как сохранить и это? и вспомнят ли когда-нибудь? Да, вспомнят. Но тех, кто осмелится задержать ускользящее время, не поймут. Как, например, принимали за чудака восторженного собирателя истории Лисевицкого, двоюродного правнука Луки Костогрыза. Не чувствуя хода времени, он пропадал в архивах, более того, свою квартиру превратил в архив. Может показаться, что он лишний в своем времени, этот «устный кладезь истории родного города». Но именно на таких энтузиастах и сохраняются вехи истории. «Ничто не кончится прахом, запомнит мир своих певцов» [1, 290], – уверен Лихоносов.

30 апреля 2016 года Виктору Ивановичу исполнилось 80 лет. Как отмечает Лидия Сычева, писателя можно «упрекнуть в несовершенстве – он остается молодым» [4]. К его творчеству как нельзя лучше подходит название повести «Люблю тебя светло». Писатель всей душой любит то, что воспевает: и забытых современностью героев, и широкие просторы Родины, и давно минувшие времена, о которых знает лишь по сохранившимся скрижальям и собственному ощущению прошлого.

И вот какой завет он дает нам: «Вставай же, мой друг, иди, радуйся и надейся, здесь все еще твое: твой день, твоя дорога в пыли, твои травы и море, бодрые песни к рабочему часу, и, может, летит уже к твоим рукам в конверте родная душа... Спят печенеги и славяне, а ты живи, живи и надейся, но все-таки помни в суете, что до тебя уже были и все-все изведали» [1, 302]. ■

Литература:

1. Лихоносов В. И. Голоса в тишине. Повести, рассказы, эссе. М., 1990.
2. Лихоносов В. И. Наш маленький Париж. Не-написанные воспоминания. Краснодар, 1990.
3. Селезнев Ю. И. В мире Достоевского. Слово живое и мертвое: [Электронный ресурс] // Самая крупная библиотека. Читальный зал онлайн. <http://mreadz.com/new/index.php?id=350154&pages=178>
4. Сычева Л. А. Размышления о прозе Виктора Лихоносова: [Электронный ресурс] // Лидия Сычева. Проза. Критика. Публицистика. <http://lsycheva.ru/>